Все еще плохо выполняется решение июльского Пленума ЦК КПСС о специализации предприятий. В качестве примера можно привести завод полиграфических машин, который выпускает полиграфические машины, токарные станки, стабилизаторы напряжения, станки для часовой промышленности, электронные машины и сотни тысяч амбарных замков. (Смех, оживление в зале).

(Из речи тов. Ф. Р. КОЗЛОВА на XX съезде КПСС).

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

Профиль директора одного машиностроительного завода

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 7 10 МАРТА (1441) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

ПИСЬМО ВТОРОЕ 1956 г.

Открытое письмо

Начальнику Калининского областного управления сельского хозяйства товарищу А. А. БЕЛОБОРОДОВУ

Уважаемый Александр Андрианович!

«Время неумолимо, без оглядки идёт вперёд... Как и всегда в конце месяца, вы думаете о кривой.

— Нуте-ка, подайте мне её! — говорите вы секретарю.

И вот уже в просторный ваш кабинет нежнофисташкового цвета вносят несколько диаграмм.

— Что, вывезла кривая? — тревожно осведомляетесь вы у своих заместителей.

Наступает тяжёлая пауза... Судя по всему, кривая опять не вывезла. Показатели подъёма животноводства в Верхневолжье оставляют желать много лучшего: коровы дают мало молока, свиньи — сала, овцы — шерсти.

И тут вы, Александр Андрианович, как всегда, предлагаете сочинить циркулярчик, чтобы пламенным канцелярским словом зажечь сердца животноводов... Ах, если бы бумаги могли хоть в какой-либо степени заменить животным корм!..

В ведомственных посланиях вы так убедительно говорите о кукурузе, клевере, сене и прочих кормах! А их всегда не хватает. Возьмём кукурузу. В Калининской области она ютится лишь на маленьких клочках земли... Не намного лучше и с клевером... По всему видно, что вам больше по душе привозные корма. Даже ржаную солому, и ту калининцы везли из Татарии.

За привозными кормами, дорогой Александр Андрианович, приходится далеко ехать. Но на них далеко не уедешь. Поэтому не удивляйтесь, что злополучная кривая опять не вывезла вас. Коров надо кормить. На кривой их не объедешь!..»

...Читая эти строки, вы, очевидно, несколько недоумеваете, Александр Андрианович: дескать, что-то очень знакомое! Что-то где-то как будто уже читанное!

Для того, чтобы вам не приходилось перенапрягать свою память, скажу прямо: да, безусловно, знакомое и читанное. Предыдущие строки — не что иное, как выдержки из моего прошлогоднего письма к вам. На то письмо ответил мне сельскохозяйственный отдел Калининского обкома партии. Он сообщил, что областные организации «принимают меры к тому, чтобы устранить крупные недостатки в деле развития общественного животноводства, отмеченные в «открытом письме», опубликованном в № 5 журнала «Крокодил».

И, признаться, было весьма отрадно узнать из этого ответа, что наряду с другими мероприятиями **«в текущем году резко увеличиваются посевы кукурузы. Они составят 70 тысяч гектаров».**

С тех пор прошёл год. Что же, уважаемый Александр Андрианович, давайте подведём некоторые итоги. Да, факты налицо. Под вашим оперативным руководством в кормовой базе области произошло за это время крупное изменение: если прежде калининцы возили из Татарии ржаную солому, то теперь они везут с Украины кукурузу.

По правде говоря, этот факт меня спервоначалу изумил: как же так, ведь за прошлый год посевы кукурузы увеличились до 70 тысяч гектаров! Но, оказывается, изумляться надо было не этому, а совсем другому: тому, какое кислое новоселье устроили у вас во многих районах кукурузе. Поселили её на самых тяжёлых, глинистых землях, удобрять скупились, от врагов-сорняков не обороняли. А потом вы же ещё разводили руками: почему на 18 тысячах гектаров кукуруза вовсе пропала, а на всей остальной площади — стыдно сказать! — дала по три с половиной тонны зелёной массы с гектара?

Не удивительно, что парнокопытные в большой обиде. Они попрежнему отворачиваются от вашего, Александр Андрианович, бумажно-циркулярного силоса и жалуются на недостаток более удобоваримой пищи. Ведь настоящего-то силоса, не говоря уже о других кормах, к 1 февраля этого года в области на 35 процентов меньше, чем было год назад! Но вы всё ещё изображаете на своём лице знак вопроса: почему поголовье крупного рогатого скота уменьшилось за год на 15 тысяч? Почему не прибыло, а убыло 12 тысяч свиней и 43 тысячи овец?

...Бодрый стук в дверь отвлекает вас от размышлений. А-а, это ваш заместитель по вопросам животноводства тов. Александров! Ну, конечно, он опять принёс вам очередную порцию диаграмм. Но не смотрите на него с такой пылкой надеждой. Заранее могу сказать, что изображено на этих роскошных диаграммах. На первой — бурая пирамидальная гора и рядом такая же бурая небольшая кучка: столько, мол, навоза для удобрения кукурузы надо вывезти на поля, а вот сколько вывезено через пень колоду к настоящему времени. Вторая диаграмма грустно повествует о том, что полторы тысячи культиваторов ещё не переоборудованы для обработки междурядий кукурузы. А поглядев на третью, вы воскликнете с благородным негодованием: «Как! Неужели руководимые мною специалисты до сих пор не возглавили в доброй половине калининских колхозов изучение опыта кукурузоводов?!»

В общем, Александр Андрианович, приходится признать, что стиль вашего руководства за данный отрезок времени остался неизменным. Плохо калининскому животноводству при таком руководстве!

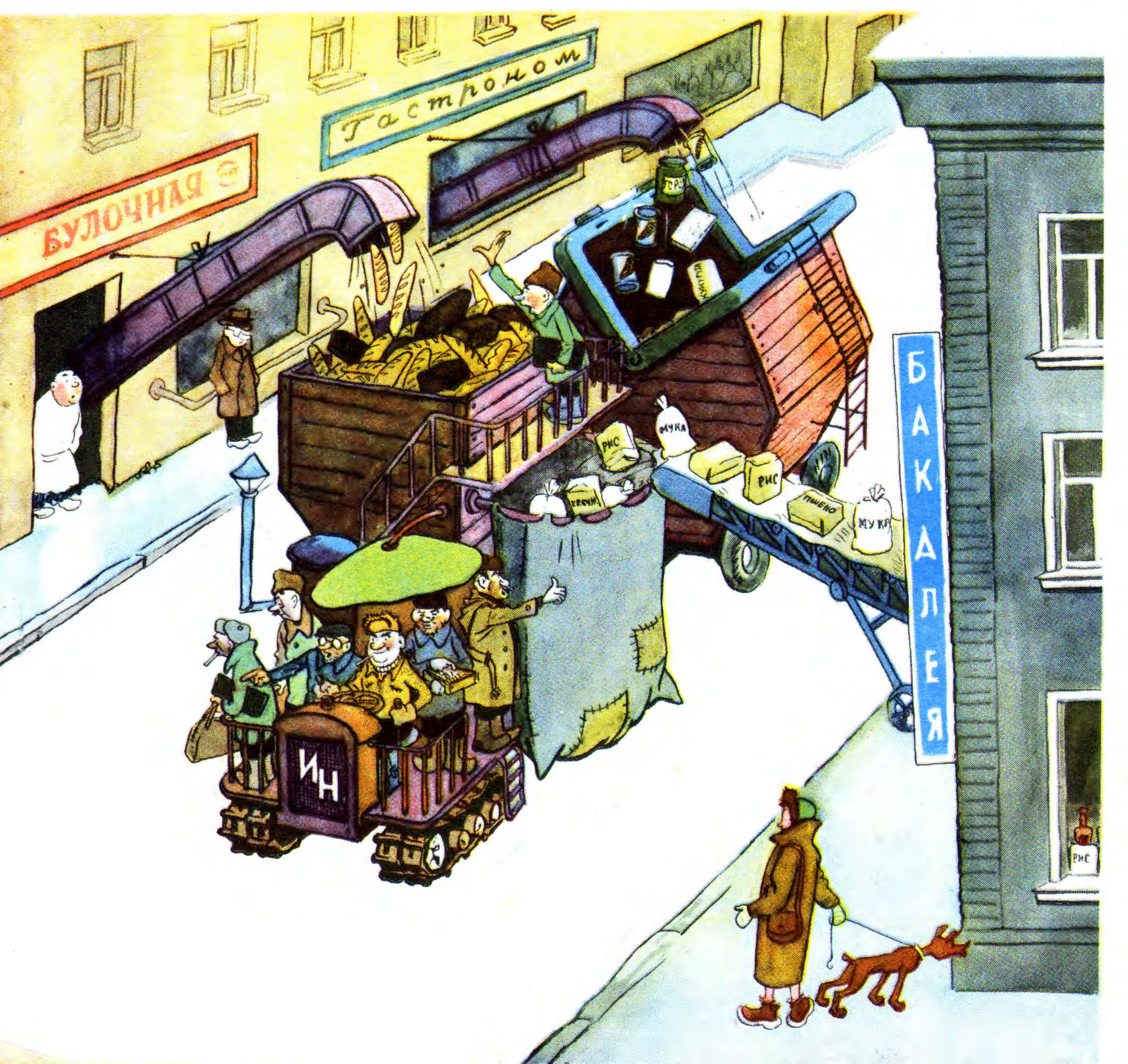
В заключение передайте мой низкий поклон сельскохозяйственному отделу обкома за его утешительный ответ, который может служить примечательнейшим образцом несоответствия между словом и делом.

Крокодил

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Некоторые руководители колхозов и совхозов скупают в магазинах на корм скоту хлеб, крупу и другие продукты, не заботясь о создании собственной кормовой базы.

Кормодобывающий комбайн системы «И-Н» (иждивенец-нахлебник).

НАСИЖЕННОЕ МЕСТО

Человек, впервые попадающий в Новосибирск, невольно удивляется одному странному обстоятельству: почему некоторые здания Новосибирска,— кстати сказать, лучшие в городе — украшены монументальными вывесками различных учреждений Министерства угольной промышленности?

Пытаясь понять причины столь загадочного явления, приезжий обращает свой взор к горизонту. Увы! Ни очертаний терриконов, ни копров, ни отвалов, ни прочих шахтных атрибутов он не замечает. В глаза его назойливо лезут только сверкающие золотом на тёмном фоне нескончаемые: «Кузбассуглеснаб», «Кузбассуглесбыт», «Кузбассгипрошахт», «Кузбассгипроуглемаш», «ВостНИИ»...

В этом смысле нам, местным жителям, живётся гораздо легче. Мы не ломаем себе головы. Мы-то хорошо знаем, что углем новосибирские недра пока что не славятся.

А вывески между тем сверкают и слепят, и жизнь в угольных учреждениях идёт полным ходом.

Над чем же трудятся новосибирские угольщики? Какие проблемы решаются, например, в стенах «ВостНИИ» — Восточного научно-исследовательского института по безопасности работ Министерства угольной промышленности СССР, недавно переехавшего из Кузбасса в Новосибирск?

Заглянем туда на минутку.

Самую главную и злободневную тему, над которой бьётся сейчас основной костяк учёных во главе с директором Алексеем Григорьевичем Табаковым, можно назвать примерно так: «Проблемы охраны института от переселения в Кузбасс в связи с выступлениями общественности».

Мы застали А. Г. Табакова в тот момент, когда он со всем пылом, присущим его натуре, обсуждал со своими сотрудниками фельетон в газете «Советская Сибирь».

— Газета утверждает, что мы, как угольный институт, должны быть обязательно связаны с углем, то есть обязаны вернуться в Кузбасс. Каково, а? — В голосе Алексея Григорьевича прозвучали негодующие нотки. — Совершенно не желают люди считаться с тем, что перевод института за сотни вёрст от производства, как вам известно, стоил министерству целую уйму денег...

— Нам это известно! — хором подтвердили сотрудники.

— Мы с газетой не согласились,— продолжал директор, — разъяснили редакции, что она не знает специфики угольной науки. В шахтёрском городе Ленинске-Кузнецком было много угля и не хватало учёных для кворума. Мы переехали в Новосибирск потому, что с нами теперь здесь находится две трети угольных институтов Кузбасса. Проблема кворума, таким образом, решена. Надеюсь, факт убедительный...

— Александр Григорьевич! — перебил директора его заместитель Ратушков.— А может быть, проще сослаться на министерство? Оно нас перевело, пусть оно и отвечает.

— Это на крайний случай. Учтите, что в министерстве есть наши просьбы и докладные записки, где доказывается как раз целесообразность такого перевода.

— Ясно! — соглашается Ратушков. — Продолжим обсуждение проблем безопасности...

Чтобы не мешать занятым людям, мы оставляем «ВостНИИ» и направляемся в «Кузбассгипрошахт». Здесь тоже в полном разгаре экстренное заседание. Ораторы перебивают друг друга, и до нас доносятся лишь отдельные реплики:

— Я не свят дух, чтобы видеть за триста вёрст...

— Восьмой раз переделываете «Берёзовскую», и всё без толку!..

— А вы «Андреевскую» сколько раз переделывали? Тоже восемь...

Постепенно выясняется, что речь идёт о генеральных планах поверхности шахт «Берёзовская-1» и «Андреевская-3», которые уже восемь раз переделывались, о крупных ошибках в определении сметной стоимости проектируемых объектов.

Инженер «не свят дух» сваливает всё на отдалённость института от шахт. Он считает, что это — явление ненормальное.

Директор «Кузбассгипрошахта» тов. Киндяков даёт ему достойную отповедь.

— Мы не «ВостНИИ», — назидательно отмечает он,— мы родились не в Кузбассе, а исторически возникли на новосибирской почве. Не мы ушли от угля, а уголь ушёл от нас в связи с выделением Кемеровской области. Но горечь утраты возмещается с лихвой теми широкими перспективами, которые открываются перед нами в Новосибирске...

Эту же мысль развил на другой день в беседе с нами директор Кузнецкого филиала «Гипроуглемаша» тов. Заранкин:

— Такой базы, как в Новосибирске, нам в Кузбассе не найти. Конечно, её можно было и там построить за десять-то лет. Но... стоит ли? Другое дело — «ВостНИИ»: он с насиженного места сбежал. Это безобразие! А мы на своём месте. Мы с самого начала работаем вдали от угля...

В это время Заранкину принесли телеграмму. Он прочёл и удовлетворённо улыбнулся:

— Извольте полюбоваться. Наш новый комбайн — штрековобуровая машина — успешно применяется на шахтах. Чудо-машина! Скорость проходки возрастает втрое, стоимость пройденного метра обходится в три раза дешевле... Так что теперь добыча соли...

— Вы хотели сказать — угля?

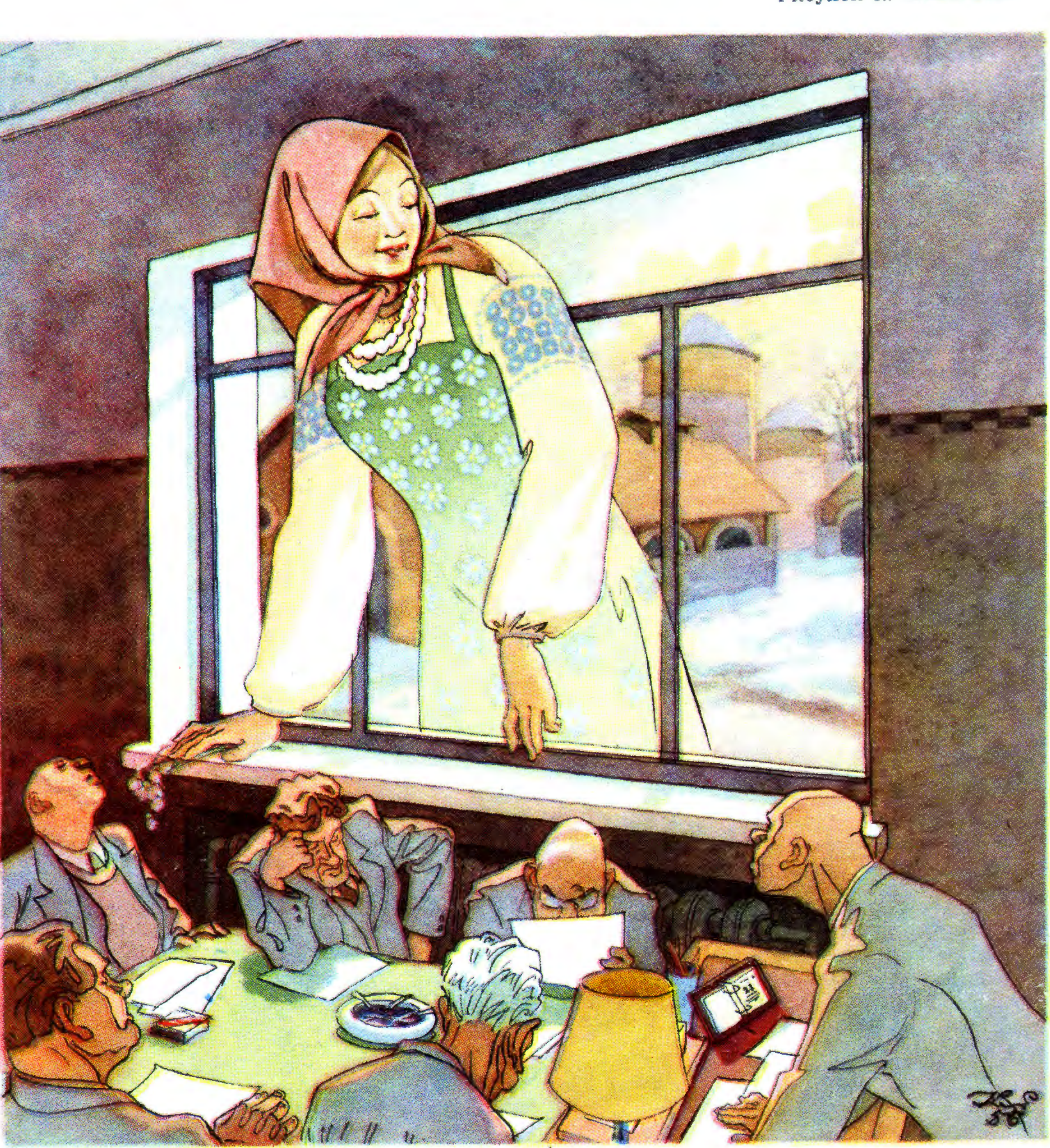
— При чём тут уголь? Речь идёт о соляных шахтах Молотовской области. Правда, вначале этот комбайн был задуман для Кузбасса. Но... видите ли, мы несколько недоучли некоторых геологических особенностей Кузбасса. Зато на соли, повторяю, он показал себя блестяще.

Мы вышли на улицу. Сиял безупречно белый снег. Сверкали золотом и лаком многочисленные вывески: «Кузбассуглеснаб», «Кузбассуглесбыт», «Кузбассгипрошахт», «ВостНИИ»... И если бы эти вывески были слегка припудрены угольной пылью, можно было бы подумать, что мы находимся в центре угольного края...

Д. ЗОЛОТОВ

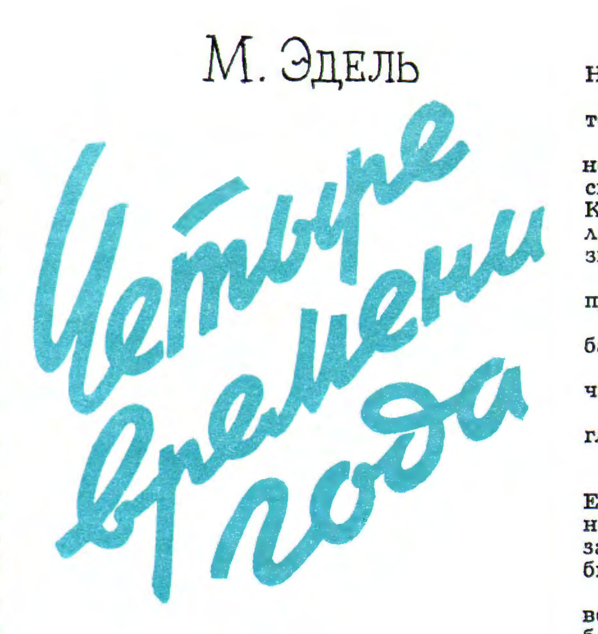
г. Новосибирск.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

ВЕСНА: — Прекратите прения, я уже здесь!

М. Эдель

Октябрь

Из окна кабинета видны берёзы, которыми обсажены дорожки заводского двора. Сергей Петрович с грустью наблюдает, как последние пожелтевшие листья, медленно кружась на фоне полинявшего неба, возвещают, что наступила глубокая осень.

Звонок телефона. На проводе Москва.

На одном конце провода Сергей Петрович, на другом — его товарищ по университету, руководящий работник министерства.

— Николай Терентьевич? Коля, ты? Здравствуй, дорогой.

После недолгих справок насчёт здоровья, а также невесёлых соображений касательно того, что «стареем, брат, стареем», Сергей Петрович приступил к делу:

— Слушай, товарищ большой начальник! Кого ты мне прислал? Я о Дружининой говорю.

— Понятно. Послал тебе толкового, знающего инженера. Притом с чудесным характером.

— Ты бы ещё добавил: с русыми косами и синими глазами.

— Совершенно верно.

— Так вот, слушай: это синеглазое дитя потребовало, чтобы я его обязательно послал в цех. Именно в цех и сменным инженером.

— Требование вполне законное.

— При чём тут закон! У меня в цехах имеются такие кадры, которые не очень подбирают выражения. Особенно когда дело не ладится.

— Значит, прежде всего надо наладить дело.

— Вам оттуда легко советы давать.

— Между прочим, когда я был директором завода, я тоже высказывал эти же бесценные мысли.

— Коля, ты мне друг?

— В принципе — да.

— Отзови Дружинину. Русые косы и синие глаза — приятные вещи, но не для тяжёлого машиностроения.

— Кого тебе прислать?

— Толкового парня, чтобы авторитет имел...

— Ничего, если направлю курящего? Впрочем, уговорил.

— Договорились? Ну, спасибо. Привет!

Январь

Сквозь заиндевевшие стёкла видны ветви с ватными обшлагами. Звонок Сергея Петровича. Отвечает Москва.

— Коля, это ты? Здравствуй, дорогой! Да, да, стареем, брат... А ты в особенности.

— За две тысячи километров видишь?

— Сужу по твоей памяти. Я же тебя просил насчёт Дружининой.

— Никак не найду на замену ей надлежащего парня. А что Дружинина — плохой инженер?

— Вообще-то она толковая. Но не приживается на нашем заводе.

— Неужели критикой занимается? Ай-ай-ай!.. Я же её предупреждал.

— Николай Терентьевич! Прошу тебя серьёзно! Вчера на техническом совещании она поставила главного инженера Орлова в такое положение, что ему хоть в отставку подавать. На смех его подняли.

— Что же она так? Техническую неграмотность проявила? Или просто глупость сказала?

— Наоборот, она сама уличила Орлова в незнакомстве с некоторыми вещами. Так развеселила народ, что нашему главному теперь в цех нельзя показаться. Очевидно, вообразила, что выступает на профкоме института.

— А тебя она не критиковала?

— Ну, я стреляный воробей. Привык уже. Но главный инженер — человек у нас новый, и давать его на растерзание я не могу.

— Оказывается, сильнее русых кос и синих глаз у вас на заводе и зверя нет?

— Выходит, нет. Кроме того, она южанка, а у нас климат, сам знаешь, суровый. Отзови её! Прошу. В её же интересах! Договорились? Ну вот, спасибо... Привет!

Сергей Петрович прислушивается к доносящемуся из-за окна воробьиному гомону. На берёзах набухают почки. Сергей Петрович думает, что берёзе давно пора развернуть листву, а вот, поди, она тоже не справляется с программой.

Звонок телефона. Просит Москва.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Здравствуй, Сергей Петрович. Это я, Николай...

— А, здорово, друг, здорово! Слушаю тебя.

— Имею честь сообщить тебе очередные неприятности. Жалуется на вас пензенский завод. Недоволен вашей продукцией. Командируй в Пензу своего представителя. Пусть на месте выслушает их претензии.

— Пошлю, пошлю. Они неправы. Мой представитель им это докажет в два счёта.

— Есть у тебя для этого толковый, зубастый, знающий инженер?

— Есть. Пошлю к ним заместителя начальника цеха Дружинину.

— Кого?! С русыми косами и синими глазами?

— Именно её.

— Как бы она там их не рассмешила... Ещё нечаянно вообразит, что выступает на профкоме института. И там могут оказаться работники, которые не умеют подбирать выражения.

— Во-первых, прошу не вмешиваться во внутренние дела завода. Во-вторых, благодаря русым косам и синим глазам в её цехе даже самые заядлые сквернословы стали подбирать выражения.

— Значит, Дружинину?

— Договорились. Спасибо, что позвонил. Привет!

Жарко. Сергей Петрович расстегнул ворот чесучовой куртки и открыл дверь балкона. Портьера тотчас же выгнулась, подобно парусу.

В кабинет вошла секретарша и микрофонным голосом сообщила:

— Вас вызывает Москва.

Сергей Петрович снял трубку:

— Николай Терентьевич? Слушаю тебя. Здорово! Забыл ты нас совсем.

— Представь себе, не забыл. Старею, но в меру. Сергей, ты меня дважды просил отозвать Дружинину? Так? Сегодня же выполню твою просьбу. Направляем её на мелитопольский завод.

— Кто это мы, позвольте узнать?

— Мы, министерство.

— Быстро решаете, дорогие товарищи!

— Между прочим, прошёл почти год, пока мы этот вопрос решили. Не захваливай нас, как это ни приятно. Ты ведь сам просил.

— Что-то я не помню. Серьёзно говорю.

— Ну, хорошо. Мы отзываем Дружинину в её же интересах. Она южанка, а у вас, сам знаешь, климат суровый.

— Плохо наш климат знаете. Во-первых, в неё влюбился заместитель главного механика.

— А во-вторых?

— Во-вторых, она к нему тоже неравнодушна. Сведения точные. А жену с мужем не разлучают.

— Но она ведь ещё не жена?

— Сейчас дам команду, и они сегодня же зарегистрируются.

— Но у тебя ведь туго с жильём. А молодожёнам требуется приличная квартира.

— На всё пойду! Дам квартиру, а в Мелитополь синие глаза и русые косы не поедут.

— Окончательно решил?

— Твёрдо!

— Понятно. В таком случае прошу подсказать, когда прислать ей поздравительную телеграмму. Всё же я, что называется, дал ей путёвку в жизнь.

— Обязательно сообщу. Договорились? Ну вот, спасибо. Привет!

Сергей Петрович положил трубку, вытер платком шею и подошёл к окну. Прошёл дождик. За окном под ветерком кипела изумрудной листвой берёза.

Директор подмигнул берёзе и сказал:

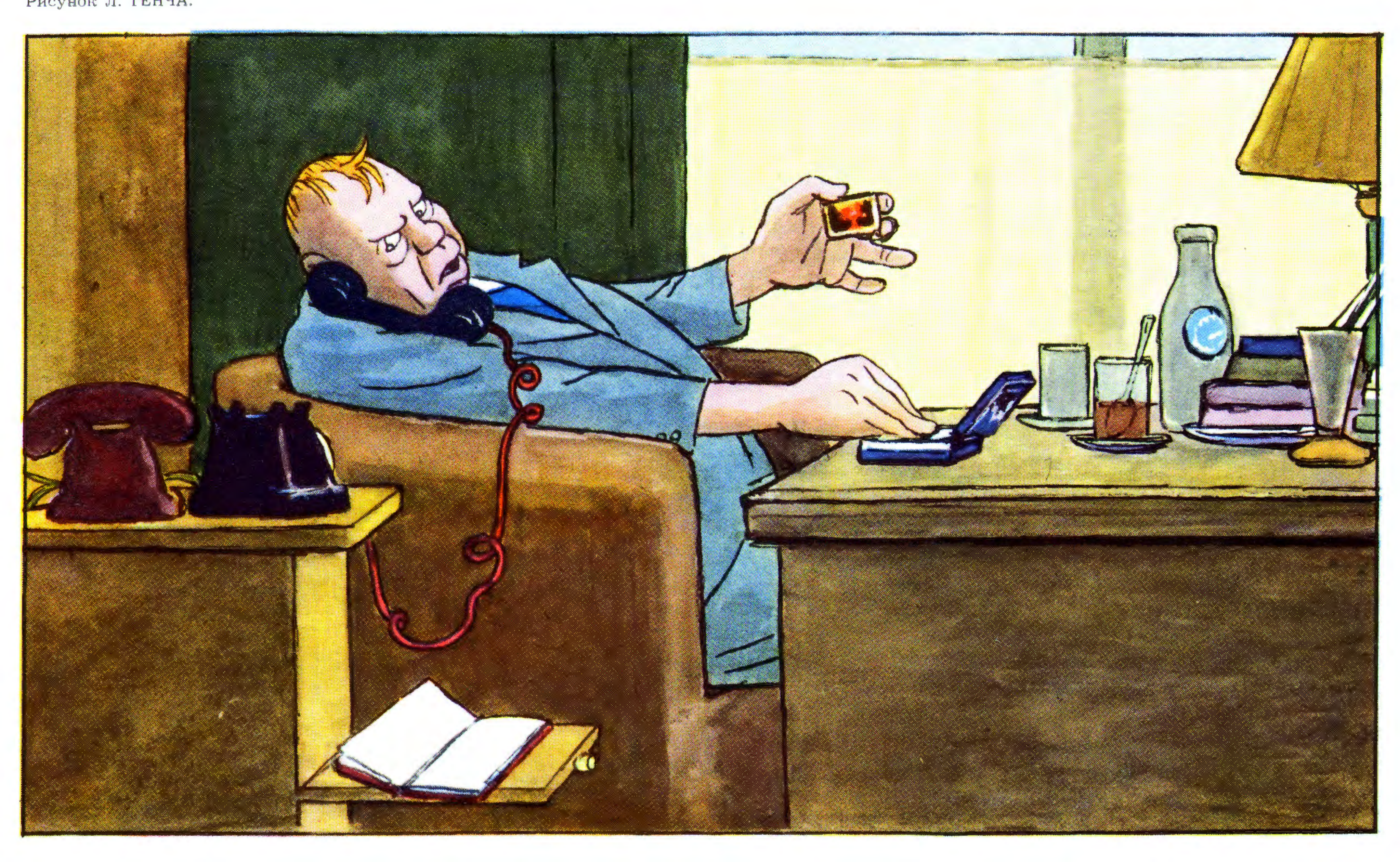
— И что он выдумал? Когда это я просил его отозвать Дружинину? Просто шуток не понимает...

— Ну, держись, муха! Сейчас буду с тобой договор подписывать.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

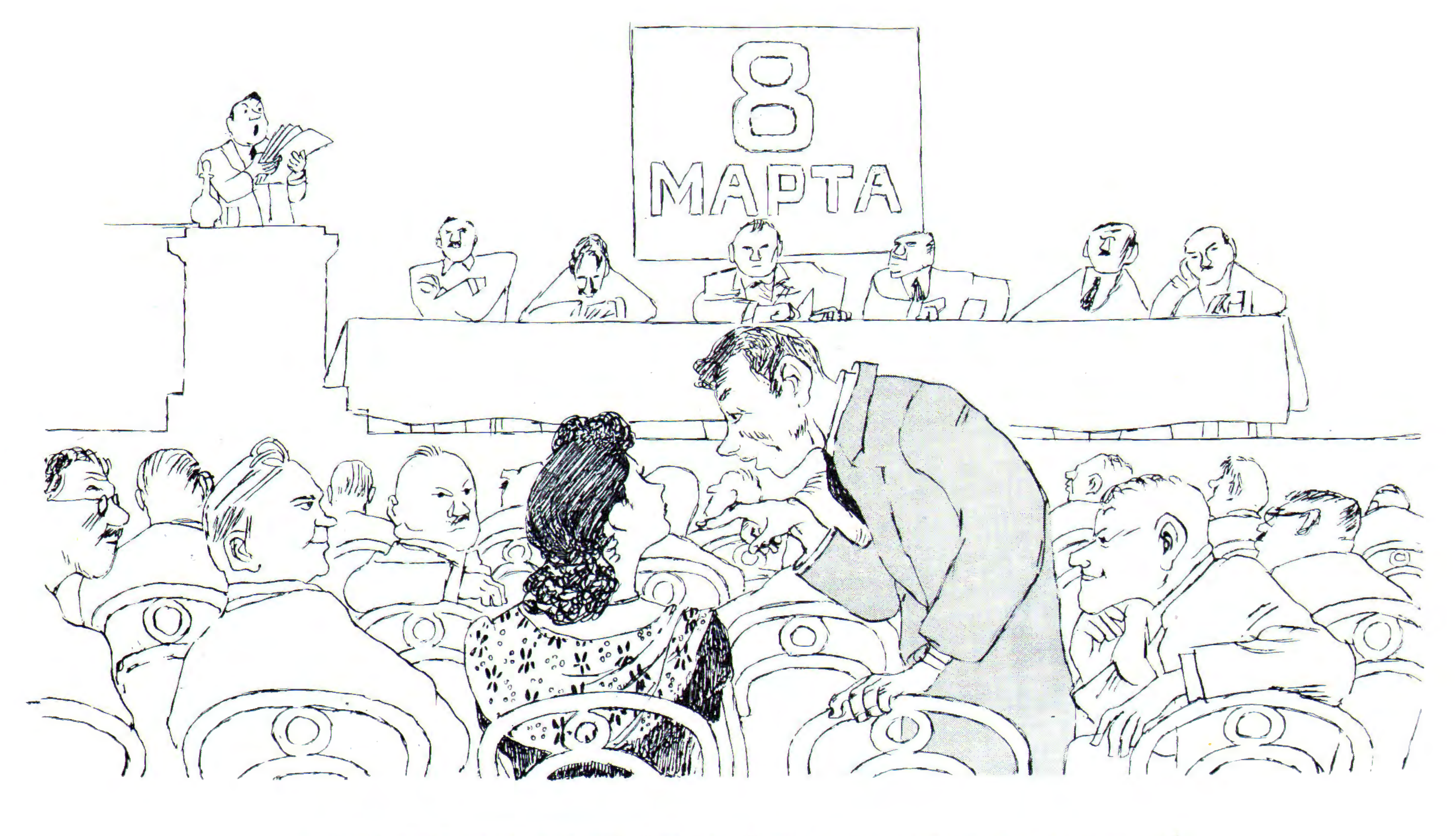
Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Я уже вторую неделю твержу вам о живом руководстве, но вы меня так и не поняли... Перезвоните завтра!

И ТАК БЫВАЕТ

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— А ты зачем сюда пришла! Иди домой, пеки пироги: сегодня же праздник!

ВЛАДИМИРСКИЕ ОТКРЫТИЯ

НАЧНЁМ С АРХЕОЛОГИИ

Рядом с областным городом Владимиром, в древнем Суздале, случилось удивительное происшествие. Местный археолог заметил, что весной, когда потеплело после лютых морозов, внутри одного из старинных зданий на штукатурке выступил иней. На небольшом участке он располагался почему-то в виде сложного рисунка. Это, конечно, заинтересовало археолога. Летом сняли штукатурку и обнаружили слова, высеченные на камне в XII веке. Так было сделано важное историческое открытие.

В расчёте на другое открытие в роли археологов 6 декабря 1955 года выступили: заместитель председателя Владимирского горсовета тов. А. Бельков, заведующий горкомхозом тов. П. Муращкин и ещё добрый десяток начальственных лиц. Они с важным и учёным видом разглядывали многочисленные подтёки и тёмные пятна на потолках гостиницы «Владимир» и колупали осыпающуюся штукатурку.

Какое же археологическое открытие могли сделать инженеры вкупе с комиссией горсовета, если гостиница не только не простояла века, но ещё и не достроена?

Чтобы ответить на этот загадочный вопрос, придётся перенестись из области археологии в область истории.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

21 ноября 1945 года горсовет вынес первое решение о новой гостинице. Долго выбирали для неё место, сочиняли и утверждали проект, оформляли ассигнования и наконец вынули первую лопату грунта. Надо отдать справедливость местным руководящим товарищам: уже в те далёкие времена они воочию видели величественные контуры здания. Всеобщий восторг вызвали творческие установки архитектора Буракова, предложившего во главу угла здания поставить башню и указавшего, что при проектировании гостиницы «фасады решены на базе классических образцов русской архитектуры конца XXVIII и XXIX вв.». Вам-то, дорогие читатели, конечно, ясно, что это была опечатка, но во Владимире всё напечатанное в проекте приняли за чистую монету и умилились: вот это архитектор! Как смело он заглядывает в будущее и берёт за образец классику, которая утвердится только в отдалённом будущем — почти через тысячу лет! Автора обласкали, и проект утвердили.

Но... «недолго музыка играла». В 1950 году проект стали переделывать с похвальной целью «снижения стоимости». Долго трудились архитекторы, но жалок был результат их титанических усилий! Под номера, как и прежде, отвели лишь треть полезной площади здания. Зато башня в центральной части гостиницы теперь решалась уже не на классической базе, а «в формах, созвучных мотивам владимирского зодчества». Так был провозглашён боевой исторический лозунг «Вперёд — назад к архитектуре XII века!».

Казалось, не забыли и об уменьшении стоимости строительства. Эту стоимость определили на полмиллиона рублей меньше. Но в дальнейшем, к концу 1955 года, из-за многих переделок, перестроек и перекрасок... экономия свелась к нулю.

А пока ремонтировали неоконченное здание, на потолке и стенах выступили грязные пятна и подтёки, появились атмосферные осадки в виде инея. Именно их и изучала комиссия «археологов» из горсовета: помешают строительные кляксы освоить недостроенную гостиницу или нет? Был выдвинут новый энергичный лозунг: «Заселить здание во что бы то ни стало!».

ЖЕРТВЫ СТРОИТЕЛЕЙ

В гостиницу, которую правильнее назвать филиалом городского холодильника, «в виде опыта» поместили делегатов областной комсомольской конференции. Не обладавшие морозоустойчивостью дежурные администраторы и горничные встретили первых гостей, кутаясь в шубы и выбивая зубами дробь. Та часть молодёжи, которая не могла сбежать на ночёвку к родным и знакомым, забиралась под три одеяла, для верности прикрываясь ещё матрацами.

Сколько делегатов заболели гриппом и ангиной, никто в горсовете не поинтересовался. В конце концов ведь испытывали не молодёжь, а гостиницу!

Нашёлся в городе человек, возмутившийся таким беззаконием,— директор гостиницы А. Вдовин. Но его протесты оставались без последствий. Впрочем, одно последствие необходимо отметить: директора... освободили от работы «по болезни», сказав на прощание:

— Не стройте из себя Дон Кихота. Разве это первый дом-полуфабрикат, который у нас заселяется?

Действительно, совсем недавно были заселены четыре новых, ещё не принятых дома. Да что новых?! Уже пять лет, как жильцы обосновались в четырёхэтажном доме на улице III Интернационала. Доделывать и принимать его председатель Владимирского горсовета тов. И. Чернов собирается только будущей весной.

А вот ирония судьбы: здание строительного техникума приняли только тогда, когда будущие строители прошли в нём полный курс наук и, в частности, на практике познакомились с тем, как нарушаются правила по вводу зданий в эксплуатацию.

В БЛОКНОТ УЧЁНЫМ-ЭКОНОМИСТАМ

Если бы учёным мужам, избравшим своей специальностью экономику производства, понадобились интересные факты, их можно найти сколько душе угодно.

Пусть история Владимира уходит вглубь и тьму веков, всё же это город новый, молодой. Возле каждой колокольне-единицы выстроилась сотня современных зданий. Да ещё каких! Владимирцы гордятся сравнительно недавно пущенным тракторным заводом-гигантом и многими другими предприятиями если не детского, то отроческого возраста. А красивые заводские посёлки! Разве не они определяют лицо города? А многоэтажные дома, выросшие на пустырях, где раньше только местные Макары гоняли телят!

Короче говоря, есть на что равняться!

Между тем «Владимирстрой» если и находится в строю, то разве что на самом левом фланге. Живой диаграммой являются площадки «Владимирстроя» и его собрата — треста № 94 Министерства строительства СССР. «Владимирстрой» организует микроскопическую базочку крупных деталей, а в двух шагах от неё трест № 94 создаёт солидную базу того же назначения. Не дай бог, если тресты-близнецы строят что-нибудь рядом (например, на улице Фрунзе)! Сосед уже давно сдал свой дом, а работники «Владимирстроя», медленно поспешая, ещё толкутся возле полувозведённых стен. Семь лет они строят и никак не достроят здания авторемонтных мастерских и общежития электромеханического техникума.

А управляющему трестом «Владимирстрой» тов. К. Завьялову и заместителю председателя Владимирского облисполкома тов. Я. Мошарову, ведающему строительством, и горя мало...

Дурные примеры заразительны. В последнее время запутались в научных проблемах и руководители треста № 94. Их подвела география.

ВЗГЛЯНЕМ НА КАРТУ

В самом деле, взглянем на карту. От Владимира до Воронежа без малого тысяча километров. Но управляющему трестом № 94 Министерства строительства СССР В. Гебгардту такое расстояние нипочём. К сожалению, «почём» оно государству. Единый взмах авторучки управляющего — и 8 мощных грузовиков с прицепами были сняты со строительств и отправлены по шоссе в Воронеж, чтобы доставить оттуда битум. Стоимость перевозки 40 тонн битума сразу выросла с 3 тысяч до 11 с половиной.

Здесь машинами возят за сотни километров не только битум, но и цемент, металл, бензин, трубы, котлы. И только потому, что строители во-время не побеспокоились о вагонах.

Кому не известны владимирские и муромские леса — вековые, дремучие? Трест «Владимирлес» отправляет древесину и на юг и в Горьковскую область. А из Горьковской и других областей, где находятся леспромхозы Министерства строительства СССР, встречным потоком движется древесина во Владимирскую область, тресту № 94. Бывает так, что на станциях из вагонов выгрузят горьковский лес и грузят лес владимирский, чтобы везти его в... Горький. И всё из-за того, что работники двух союзных министерств — строительства и лесной и бумажной промышленности — не могут сговориться.

О КАКОЙ НАУКЕ ЗАБЫЛИ?

Самое странное, что при таком пристрастии к разным наукам во Владимире стали забывать про достижения советской строительной науки.

А как без знания этой науки владимирцы смогут выполнить большие задачи, поставленные планом шестой пятилетки?

Работники областных и городских организаций во Владимире не сделали необычайных открытий и — увы! — не сумеют прославиться, подобно археологу, открывшему под инеем надпись XII века. В XX веке иней и пятна в новых зданиях могут создать строителям только дурную славу. Мало чести — гнаться за такой славой!

Юр. АРБАТ,
специальный корреспондент Крокодила.
г. Владимир.

На свинцовых харчах

Мы позволим себе напомнить читателю историю знаменитой скачущей лягушки из Калавераса, талантливо рассказанную Марком Твеном. Некий Джим Смайли, бездельник по призванию, словил лягушку и натренировал её в прыжках в длину по ровному месту. Вскоре Смайли начал эксплуатировать спортивные таланты своей воспитанницы. Однажды он встретился в посёлке с одним приезжим и предложил ему пари. Дескать, его Дэниель Уэбстер (так звали лягушку) обскачет любого своего собрата в Калаверасе. Пари было заключено. Когда Смайли побежал на болото доставать для незнакомца лягушку, тот раскрыл чемпиону рот и всыпал ему хорошую порцию перепелиной дроби. Стоит ли говорить, что лягушка бездельника Смайли с позором проиграла состязание! Нагруженная дробью, она не могла сдвинуться с места, приросла к земле, словно каменная.

Мы вспомнили о Смайли и его лягушке, ознакомившись с неповторимыми трудами кандидата биологических наук К. В. Калмыкова, обнародованными в 1955 году в 5-м томе «Научных трудов» Украинской научно-исследовательской станции птицеводства.

Незнакомец, обманувший бездельника Смайли, всего лишь один раз скормил лягушке дробь. А вот биолог Калмыков заставлял селезней и петухов глотать дробь неделями. Любопытный читатель, разумеется, захочет узнать: зачем понадобилось кормить уток свинцом? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, придётся поближе познакомиться с творческой лабораторией биолога и с ходом его научно-исследовательской мысли.

Однажды тов. Калмыков, гуляя на берегу озера, задал себе вопрос: а куда, чёрт подери, девается дробь после неудачного выстрела? Незадачливый охотник, скажем, «смазал», не попал в летящую утку. Где дробинки, посланные «в белый свет»? После некоторого раздумья биолог решил, что, согласно закону земного притяжения, они должны упасть в воду. Хорошо. А дальше что?

Нельзя ли проследить судьбу дробинок? Оказывается, можно. Предположим, что колхоз выпустил на это озеро домашних уток. Птица беззаботно плещется в воде, достаёт со дна пищу и вместе с ней сдуру заглатывает дробинки. Наглотавшись дроби, утки подвергают себя опасности отравления.

Исследователь перевёл дух. Впереди маячило белое пятно. Ведь ни одному учёному не было известно, как ведут себя птицы, наевшиеся охотничьих боеприпасов. Чтобы решить эту жгучую проблему, нужен был эксперимент. Мы не будем детально описывать ход опытов, а лишь познакомим читателя с дословными выдержками из статьи Калмыкова «К вопросу отхода утят при массовом их выращивании на естественных водоёмах»:

«Опыты по скармливанию селезням и петухам дроби

Для доказательства возможности отравления уток и других птиц свинцом нами были проведены опыты по скармливанию селезням и петухам дроби.

Для опыта было взято 3 селезня и 3 петуха. Скармливание дроби производили через два дня на третий. Селезням скармливали за раз по 5 дробинок, а петухам—по 6. Всего было дано первому селезню 40 дробин и второму — 15; двум подопытным петухам скормили по 42 дробины каждому».

Далее следует высокохудожественный рассказ о поведении подопытной птицы. Из него мы узнаём, что на четвёртый день у селезня № 1 «наступила слабость, шаткость походки», на одиннадцатый «началось опускание век и заметное слезотечение», а на пятнадцатый день он отдал богу душу. Селезень № 2 продержался всего шесть дней. С петухами дело обстояло несколько сложнее. Правда, мог возникнуть вопрос: при чём здесь петухи? Они ведь не плавают в озёрах... Однако этот вопрос не возник у исследователя. Петухи получили свою порцию свинца.

«У петуха № 1 на четвёртый день наступило посинение гребня, а на седьмой день начали опускаться крылья...» Зато не опустились руки у Калмыкова. Он продолжал свои опыты до тех пор, пока у петуха № 2 на двадцатый день не пожелтел гребень и на двадцать первый день он не издох во имя науки.

Человек, обманувший Смайли из Калавераса, не пытался писать научных трудов о влиянии охотничьей дроби на жизненные функции лягушки. Биолог Калмыков написал такого рода труд, причём сделал вид, что его работа может как-то помочь развитию птицеводства в новой пятилетке. Нет ничего удивительного, что редактор научного сборника слепо уверовал в научную ценность этого труда. Ведь Калмыков-исследователь и Калмыков — ответственный редактор — одно и то же лицо. Но как поверили этому учёные-птицеводы, Государственное издательство сельскохозяйственной литературы Украинской ССР? Вот этого никак понять нельзя!

С. ШАТРОВ

Есть в системе Академии наук еще институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день. (Оживление в зале, смех).

(Из речи тов. А. И. МИКОЯНА на XX съезде КПСС).

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

Институт Востока за работой.

Н. КАТКОВ,

участник Всесоюзного совещания молодых писателей

ДОВЕРЧИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Медведь звонит Косому: — Доложи,
В каком там состояньи новостройка!
— Закончены все этажи,—
Зайчишка рапортует бойко.—
Дела идут, контора пишет,
И я стою уже на крыше!
— Ну, молодец! Порадовал меня.
Когда сдаёшь объект!
— Да не пройдёт и дня!..
Но заяц врал: конца не видно стройке.
— Послушай-ка,— сказал Бобёр-прораб,—
Как не боишься ты головомойки!
Медведь нагрянет вот и — цап-царап!
— Брось! У него то спячка,
То раскачка,
То канцелярская горячка.
Ему довольно и отчёта!
Пиши: «Закончена работа».
Приятно, знаешь, слыть героем!
— А как объект!
— Потом достроим!

Хотел бы я, чтоб басня эта
Очковтирателей свела со света.
Но басней жуликов проймёшь едва ль!
Так пусть в Медведя выстрелит мораль
(На первый раз хотя б зарядом соли!),
Авось, он вспомнит о контроле!

ДВА ЛЕМЕХА

Два Лемеха заспорили — два брата.
Один темнел, как старая лопата,
Другой сиял — зеркально чистый клин.
— Блестишь! Зазнался! — говорит один.—
Нас, тёмных, чай, не ставишь в грош.
Ну, нечего сказать, хорош!..
Другой ответил: — Бестолков твой суд!
Меня блестящим сделал труд.

НАШ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Наш председатель исполкома
Вдруг изменился — не узнать:
Он самым дальним незнакомым
Теперь отец и даже... мать!
Часы приёма ныне в силе,
И вообще открыта дверь!
Вот, например, вы позвонили —
Берёт он трубку сам теперь.
А эта жалоба, с которой
Вы обивали здесь порог,
Ответ вымаливая скорый...
Он всё решил... в минутный срок!
И больше в городе порядка!
С чего же изменился пред!
Друзья, простая тут разгадка:
Подходят выборы в Совет!

КАК СОКРАЩАЛИ ШТАТ

Из главка, штаты сокращая,
Уволили Слона, Жирафу, Попугая.
Решенье принято не наугад:
НЕПОВОРОТЛИВ СЛОН,
ЖИРАФА — ВЕРХОГЛЯД.
— А ПОПУГАЙ!
— БОЛТЛИВА ЭТА ПТИЦА.
Так с кем же, как не с ними, распроститься!!
Уволенные жалобу строчат,
Её аргументировав солидно.
И всех троих обратно взяли в штат:
УСТОЙЧИВ СЛОН,
ЖИРАФА ДАЛЬНОВИДНА,
САМОКРИТИЧЕН ПОПУГАЙ, да как!
Он о себе твердит:
— Попка — дурак!

г. Пенза.

Рисунок Ю. ГАНФА.

Информационное агентство [США.— Ред.] организовало даже специальную выставку под названием «народный капитализм», которая будет демонстрироваться на ярмарках всего мира. Но «народный капитализм» — это такая же бессмыслица, как жареный лед! (Смех).

(Из речи тов. Д. Т. ШЕПИЛОВА на XX съезде КПСС).

Шито белыми нитками.

МОДНЫЙ МИФ

Мы, к сожалению, не знаем, кто такой доктор Роденс и какими достижениями он обогатил науку. Но газета «Гамбургер анцейгер», видимо, считает этого доктора докой в области социологии. Его пространное сочинение, занимающее целую полосу, посвящено двум злободневным вопросам: а) что такое марксизм и б) как с ним бороться.

Автор констатирует, что в наши дни «учение Маркса стало силой»; что «марксизм по своей цельности, универсальности и стройности превосходит все конкурирующие с ним общественные идеологии»; что марксизм является «теоретической основой и жизненным принципом одного из самых могучих государств мира».

Изложив эти широко известные истины, герр Роденс далее развивает свою программу борьбы с марксизмом.

— Не допускайте проникновения марксизма в среду рабочих! — призывает он власть имущих.

— Дайте рабочим по нескольку мелких акций, допустите их к «соучастию в собственности»! — заклинает он монополистов.

Тогда, по мысли автора, пролетарии исчезнут, капиталистом станет весь народ. Ну, а что же станет с марксизмом? Он рассыплется в пух и прах, ибо капиталисты не подвержены влиянию марксизма.

Значит, нужно только одно: чтобы капиталисты поделились с рабочими частью своих прибылей. До чего же всё логично и просто!

Судя по этой статье, доктор Роденс — весьма добросовестный защитник милой его сердцу капиталистической системы. Но, к сведению газеты «Гамбургер анцейгер», он нечист на руку. Как видно, в редакции слишком доверчиво отнеслись к автору и не разглядели в нём плагиатора. Не заметили, что «открытие» доктора Роденса — это небезызвестный миф о «народном капитализме», заимствованный из обихода многих других ниспровергателей марксизма. И попали впросак.

Вот к чему приводит слепое преклонение перед учёными титулами!

КОРОТКО, НО ЯСНО...

Ещё одна «война»

В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликована статья начальника музыкального отдела радиостанции «Свободная Европа» Дональда Даймонда. Статья отнюдь не ласкает слух. Автор пишет, что недавнее посещение Соединённых Штатов советскими музыкантами Д. Ойстрахом и Э. Гилельсом «было проявлением новой культурной войны между Западом и Востоком».

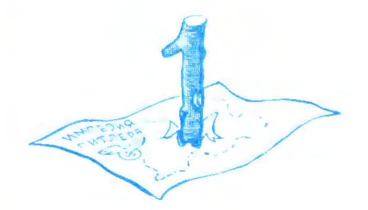
Никто не знает, что такое «культурная война». А вот что такое «холодная война», всякому станет ясно, когда он прочтёт писания Даймонда.

Грамоты и баллы

Ученики в школах округа Штейнбург (Германская Федеральная Республика) с некоторых пор получают за «хорошие сочинения» грамоты, на которых изображена «великогерманская империя» в границах 1941 года, включающая оккупированные гитлеровским вермахтом территории многих европейских государств. Подпись гласит: «Такова должна быть Германия».

Как видим, авторам этой грамоты нельзя поставить ничего, кроме единицы, за их знания уроков истории.

Могучий флот

Как передаёт агентство Рейтер из Лондона, здесь «при поддержке американских бизнесменов» кучка польских реакционных эмигрантов создала «свой собственный» торговый флот в составе... одного корабля. Это судно будет ходить по линии Лондон — Нью-Йорк под флагом Панамы.

Надо полагать, что с первым же рейсом в Соединённые Штаты будет доставлен и сдан в архив госдепартамента весь груз эмигрантских надежд на реставрацию капитализма в Польше.

Варвара КАРБОВСКАЯ

ПОДРЫВНАЯ УЛЫБКА

Фанни Карвер — студентка, ей семнадцать лет. Она такая же, как сотни тысяч девушек на всём земном шаре. И улыбается она точно так же, как все её сверстницы.

Если на улице пасмурно, у вас на душе становится солнечно от такой улыбки. Если у вас нет денег, вы уже не чувствуете себя бедняком, когда лично вам подарили такую улыбку. Но, оказывается, в этой очаровательной, белозубой девичьей улыбке скрыты некие коварные, подрывные свойства. А именно...

— Подстрекательство к мятежу! — как твёрдо, со знанием дела показал полисмен судье Нового Орлеана (штат Луизиана, США).

А что такое мятеж? Ясно: организованные действия, направленные к ниспровержению существующей власти. Две — три такие улыбочки, и в штате Луизиана, того и гляди, вспыхнет революция! Вот что может натворить улыбка семнадцатилетней девчонки...

Оказывается, надо знать, где можно улыбаться, а где нельзя. И хотя на этот счёт нет ещё соответствующего закона в штате Луизиана, Фанни Карвер должна была бы понимать, что лучше всего это делать дома, при закрытых дверях, или на свидании с любимым, под покровом ночи. А она позволила себе улыбнуться в автобусе...

Может быть, это был мрачный автобус, предназначенный для перевозки усопших граждан Нового Орлеана к месту их упокоения? В таких машинах, действительно, не принято проявлять весёлость.

Нет, это был самый обыкновенный большой пассажирский автобус, в который набилось семьдесят два молодых спортсмена — юноши и девушки. Почти все они были студентами Диллардского университета и в самом хорошем настроении возвращались с баскетбольных соревнований.

В автобусе не было строгого объявления: «Улыбаться воспрещается». Но зато были два других объявления: «Для белых» и «Для негров». Просто, корректно, великодушно. Надо же и неграм предоставить возможность пользоваться механизированным транспортом. Но пусть знают своё место.

В ту минуту, когда семьдесят два спортсмена влезали в автобус, на местах «Для белых» сидел только один пассажир, обладатель безукоризненно белой кожи. Он, как и полагается одному человеку, независимо от цвета кожи, занимал только одно-единственное место. Даже если допустить, что у него была какая-нибудь особенно широкая спина, то и тогда он мог бы занимать два места, но уж никак не больше.

А семьдесят два спортсмена были неграми. И им было очень тесно на отведённых для них местах. И тут в чью-то вполне разумную студенческую голову пришла вполне разумная мысль — перевесить табличку «Для белых» немного подальше, так, чтоб она приходилась как раз над идеальным белым пассажиром, занимавшим одно, самое большее два сиденья.

Никому не пришло в голову просто-напросто выбросить табличку за окно: никто не собирался рисковать своей головой. Но перевесить-то можно, чтобы ребята разместились по-человечески?

— Нельзя! — закричал водитель и остановил машину.

Вероятно, шофёр не был убеждён, что чёрные не такие же люди, как белые. Но зато у него было другое, твёрдое убеждение: оказаться безработным очень горько. И он тут же позвал полисменов, чтобы все видели: уж он-то, водитель автобуса, не собирается нарушать законов!

Полисмены энергично приступили к исполнению своих служебных обязанностей. Они немедленно арестовали всех спортсменов, семьдесят два человека, и на месте приступили к допросу.

Вот тут-то и совершила своё страшное преступление Фанни Карвер. Она улыбнулась. Более того, она рассмеялась. Почему? Скорее всего потому, что ей семнадцать лет, а в этом возрасте смеются иногда и по самому неожиданному поводу. Едва ли девушка представляла себе в эту минуту, как смешны люди, считающие себя избранниками божьими и высшими существами только потому, что на их теле, с головы до пят, белая кожа. Наверно, ей просто показалось забавным, как пыхтят старательные полисмены, выставляя из машины крепких, весёлых баскетболистов.

Но полисмены делали своё дело. Они не только выталкивали негров из машины, они замечали всё: и ослепительную улыбку девушки, и её звонкий смех, и то, что смех оказался заразительным, потому что все остальные спортсмены тоже расхохотались, глядя на маленькую Фанни.

Арестованных без промедления доставили в суд. То ли у судьи не было достаточно обширного помещения, чтобы засадить всех их под стражу; то ли он любил баскетбол и не хотел лишать себя удовольствия поглядеть очередную игру; то ли попросту решил не затевать лишнего шума,— так или иначе, но он отпустил семьдесят одного арестованного. Оставил под стражей только Фанни.

— Она подстрекала к мятежу! — показали полисмены.— Она смеялась, когда мы снимали допрос, и все, глядя на неё, тоже смеялись, как будто они в цирке или где-нибудь ещё.

Судья, конечно, хорошо знал законы. Разумеется, нельзя за улыбку посадить на электрический стул или приговорить к пожизненному тюремному заключению. Однако он как-то слышал, что смех считается в некотором роде оружием. Поэтому подержать известное время под стражей можно — для острастки. Пусть эта вооружённая смехом черномазая девчонка поймёт и все другие тоже пусть поймут, что запрещается перевешивать в автобусах таблички «Для белых» и «Для негров», что эти таблички висят не для смеха, а для того, чтобы чёрные помнили, что они чёрные, и знали своё место.

Именно это со всей строгостью и заявил судья Нового Орлеана на суде над семьюдесятью двумя неграми, после чего он нашёл возможным прекратить дело о перевешенных табличках и даже — какое благородство! — освободить из заключения подстрекательницу к мятежу семнадцатилетнюю Фанни Карвер. Этим он показал всем, что в штате Луизиана даже к опаснейшим чернокожим мятежникам не применяются те крайние меры, которые можно было бы применить. Вот он какой великодушный, судья!

Что касается Фанни, то она во время своего предварительного тюремного заключения, наверное, поняла, что́ именно смешно и что́ чрезвычайно грустно в процветающем штате Луизиана. Впрочем, это уже наша догадка: корреспондент агентства Юнайтед Пресс, сообщивший об истории с «подрывной улыбкой», в такие тонкости не вникал.

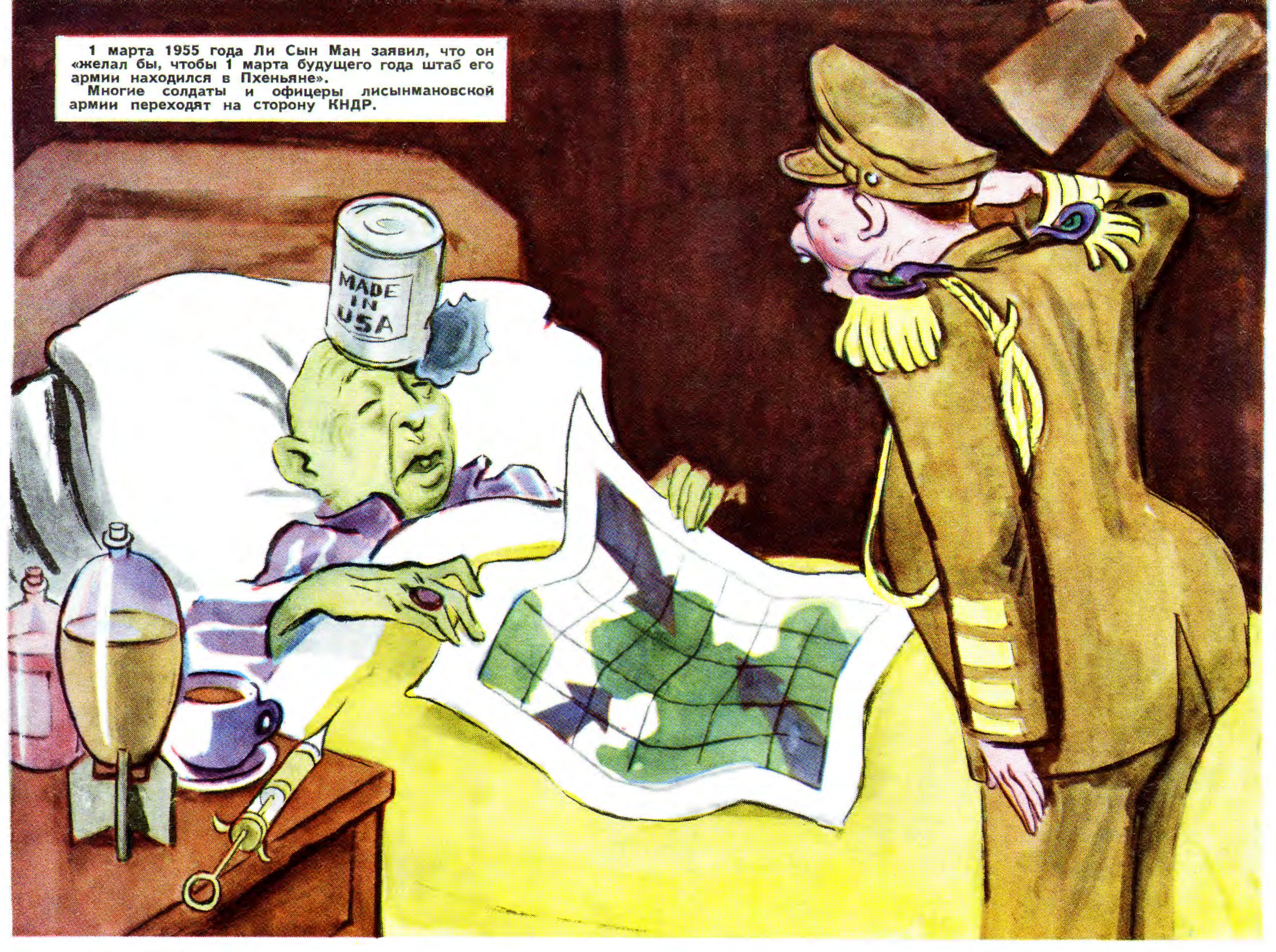

Рисунок ПАК СЫН ХИ (корейский сатирический журнал «Хуальсал»), выполненный для «Крокодила».

ГОД СПУСТЯ

— Много ли моих офицеров и солдат уже находится в Пхеньяне!
— Много... Только все они туда перебежали.

Новые переводы

Песни Джо Хилла

Недавно исполнилось сорок лет со дня гибели талантливого американского поэта Джо Хилла (Джозефа Хиллстрома), который всю свою жизнь боролся оружием сатирической песни за торжество рабочего дела. Постоянный запевала стачечного движения во многих городах Америки, Джо Хилл стал ненавистен капиталистическим заправилам, и они решили уничтожить певца американского рабочего класса. Против Джо Хилла было состряпано обвинение в убийстве, и он был расстрелян.

Но песню нельзя расстрелять. Песни Джо Хилла продолжают звучать и сегодня; некоторые из них широко известны в Советском Союзе.

Мы печатаем новые переводы песен Джо Хилла.

ТАМ, ГДЕ ФРЭЙЗЕР ВДАЛЬ ТЕЧЁТ

**Вам, друзья мои и братья,
всем рабочим без изъятья,
всем хочу вам рассказать я,
кто ваш друг и кто ваш враг.
Будем все к борьбе готовы,
будем стойки и суровы,
чтоб подняться к жизни новой
там, где вспыхнет красный флаг!**

**Там, где Фрэйзер вдаль течёт,
знает весь простой народ:
нас ругают, нас пугают,
но союз наш всё растёт!
И добьёмся мы, ребята,
славной заработной платы,
и начнём мы жить богато
там, где Фрэйзер вдаль течёт!**

**Притворяется заводчик
благодетелем рабочих,
но он шкуру снять с нас хочет —
это знает весь народ.
Так идём же всем народом
в ясный день и в непогоду
и не струсим в день похода
там, где Фрэйзер вдаль течёт!**

**А хозяин наш сегодня
рад сгноить нас в преисподней,
с ним предатели и сводни,
весь позорный чёрный сброд!
Почему им нету смерти,
и когда возьмут их черти,
сам не знаю я, поверьте,
там, где Фрэйзер вдаль течёт!**

**Там, где Фрэйзер вдаль течёт,
знает весь простой народ:
нас ругают, нас пугают,
но союз наш всё растёт!
И добьёмся мы, ребята,
славной заработной платы,
и начнём мы жить богато
там, где Фрэйзер вдаль течёт!**

ПОЙМАН!

**Раз без работы я бродил среди знакомых мест.
Вдруг вижу надпись, что нужны пятьсот парней в отъезд.
Они объездят целый свет! Их дядя Сам берёт.
Я расписался десять раз и вот попал на флот.**

Припев:

**Пойман! Пойман! Пойман, как дурак!
Пойман! Пойман! Я попал впросак!
Но пусть лишь кончится мой срок — и через сорок лет
Вы не заманите меня опять объездить свет!**

**Мне говорили: флот у нас не флот, а просто клад!
Стоишь, глядишь за часом час на волны, на закат...
Но боцман разбудил меня наутро ровно в пять,
И начал капитану я ботинки начищать.**

Припев.

**Раз франт в мундире подошёл и по зубам мне хлоп!
Его мгновенно сбил я с ног, и он упал, как сноп.
Мне нацепили кандалы. Я понял, быть беде!
Я тридцать суток просидел на хлебе и воде.**

Припев.

**В другой раз капитан сказал: «Я вас развлечь могу!
Поупражняемся слегка на этом берегу...»
Он нас гонял двенадцать миль — в карьер, во весь опор.
При этом каждый на спине полтонны груза пёр.**

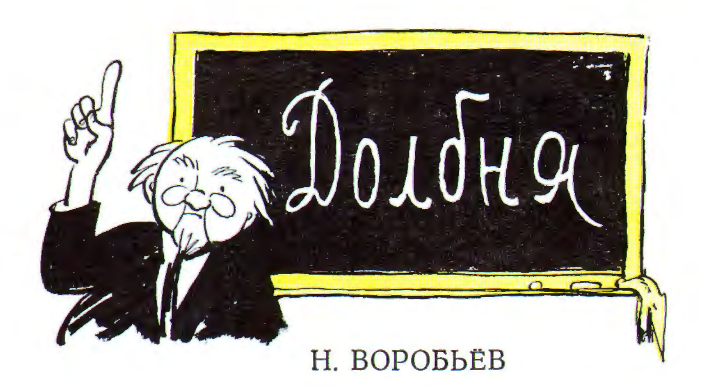
Припев.

**Недавно вёл наш дядя Сам с Испанией войну,
И сотни синих блуз морских покинули страну.
И сотни пали не от пуль, а от другой судьбы:
Консервы погубили их — «Свинина и бобы».**

Припев:

**Пойман! Пойман! Пойман, как дурак!
Пойман! Пойман! Я попал впросак!
Но пусть лишь кончится мой срок — и через сорок лет
Вы не заманите меня опять объездить свет!**

Перевёл С. **БОЛОТИН.**

Н. ВОРОБЬЁВ

— Потоцкий, проспрягай мне «богородица».

— Я богородица, ты богородица, он богородица, мы богородицы, вы богородицы, они, оне богородицы.

— Дельно. Проспрягай «дубина».

— Я дубина...

— Именно.

Так потешались над бурсаками учителя-казуисты Батька, Долбёжин, Краснов и иже с ними. Они требовали от учащихся дословного заучивания самых нелепых изречений. Зубрёжка, или, как выражались бурсаки, долбня, была незыблемой основой бурсацкой «педагогики».

«До того трудно и тошно было... зубренье,— вспоминал в своих замечательных «Очерках бурсы» Николай Герасимович Помяловский,— что изо ста с лишком учеников знало урок, случалось, только четверо».

Нечто подобное сохранилось до сей поры на кафедре землеустроительного проектирования Воронежского сельскохозяйственного института. Работники означенной кафедры цепко держатся за долбню и живут с ней душа в душу.

Давайте заглянем в кабинет, где Павел Николаевич Титов, ассистент кафедры, проводит собеседование со студентами четвёртого курса.

— Фалалеев,— обращается он к студенту,— как называется процесс, когда общественный огород переходит в индивидуальное пользование?

Студент не бурсак. Прежде чем ответить, он думает, формулирует свою мысль.

— Такой процесс,— говорит Фалалеев с достоинством,— называется расхищением колхозных угодий.

Ответ исчерпывающий. Но Павел Николаевич недоволен им. Он хмурит лицо, насупливает брови и молвит:

— Отсебятиной занимаетесь, Фалалеев! Кто скажет, какую формулировку даёт в этом отношении Василий Владимирович?

В комнате наступает тягостное молчание. Наконец встаёт белокурый юноша по фамилии Сизов. Глаза у него озорные, лицо так и светится улыбкой. Он нарочито громко и отчётливо произносит каждое слово:

— Переход общественного огорода к индивидуальным лицам Василий Владимирович называет транс-фор-ма-ци-ей.

— Правильно, Сизов,— подбадривает его Павел Николаевич.— Однако не совсем точно. Какой трансформацией?

— Настоящей трансформацией,— уточняет студент и отворачивается к окну, дабы скрыть улыбку.

— Именно! А кстати, Сизов, приведите мне пример ненастоящей трансформации.

Сизов морщит лоб, будто припоминая что-то, затем с расстановкой отчеканивает:

— К ненастоящей трансформации Василий Владимирович относит: а) подъём целины, б) раскорчёвку леса, в) улучшение луга.

— Молодец, Сизов! — одобряет Павел Николаевич.— Отлично знаете предмет. А вам, Фалалеев, ставлю двойку.

Ассистент снова обращается к студентам.

— Петров, — говорит он, — представьте себе, что вы колхозник. У вас случился острый приступ аппендицита. Бригадир запрягает лошадь, сажает вас на телегу и отправляет в больницу. Как назовёте вы это явление?

Студент, не поняв подвоха со стороны преподавателя, отвечает:

— Это явление характеризует чуткое, внимательное отношение к человеку.

Павел Николаевич отрицательно вертит головой. Затем подходит к студенту и, глядя на него в упор, поучает:

— С обывательской точки зрения, вы, Петров, возможно, и правы. Но наука требует отточенных формулировок. Что по этому поводу говорит Василий Владимирович?

Петров молчит. Безмолвствует и вся группа. На выручку приходит сам Павел Николаевич.

— Напоминаю, — начинает он,— что поездка колхозника в больницу или на ярмарку, по определению Василия Владимировича, есть не что иное, как транспорт в процессе воспроизводства рабочей силы. Ясно теперь?

— Ясно! — крикнул за всех Сизов, сверкнув озорными, насмешливыми глазами.

А тем временем в соседней комнате доцент С. В. Дмитриевский читал лекцию о колхозном землеустройстве. Сергей Валерианович, как и ассистент Титов, ратовал за точность в научных выражениях.

— Бывает, обратишься к студенту,— говорит лектор: — «Сиволапенко, какие водные угодья вы знаете в колхозах?». А он тебе отвечает: «Ставóк, криницу да ещё ручей». Это значит: пруд, колодец и речку. Разве это ответ?! Этак может ответить любой колхозник. А вы же будущие землеустроители, интеллигенция, так сказать! Василий Владимирович дал на сей счёт новую, научно обоснованную классификацию водных угодий. Прошу записывать формулировки. Итак: пруд, из которого черпают воду на полив капусты, называется угодьем овощеводства. Пруд, из которого берут воду на опрыскивание черешни, называется угодьем садоводства. Если же из пруда поят скотину, то такой пруд называется угодьем животноводства.

— А ежели в пруду купаются хлопцы? — раздалась реплика.

— Тогда этот пруд, по Василию Владимировичу, надо отнести к угодьям воспроизводства рабочей силы,— пояснил лектор.

— Уж больно мудрено! — послышалось в ответ.

Но лектор ничтоже сумняшеся продолжал развивать свои научные положения.

— На днях мне пришлось экзаменовать группу студентов пятого курса,— повествовал Сергей Валерианович.— Спрашиваю одного из них: «Что такое полевой стан?». А он засмеялся и говорит: «Вы, Сергей Валерианович, принимаете меня за ребёнка. Я шесть лет трактористом был, дневал и ночевал в полевом стане». «Вот и определите,— повторяю я,— что такое полевой стан?». А он: «Это — место расположения тракторной бригады в поле». Видите, какое примитивное мышление у этого «тракториста»!

— А что говорит Василий Владимирович по этому вопросу? — съязвил кто-то из студентов в последнем ряду.

Лектор принял иронию за чистую монету и продолжал:

— Василий Владимирович даёт такое определение полевому стану. Прошу записывать! «Полевой стан есть пункт концентрации средств производства, неразрывно связанных с землёй, обслуживающих через хранение и воспроизводство рабочей силы производственный акт полеводства».

Тут зазвенел звонок, и коридоры огласились весёлыми молодыми голосами. В вестибюле послышались остроты по поводу ярмарки, аппендицита и прочих нагромождений из «классификации» Василия Владимировича.

...Кто же он, этот Василий Владимирович, чьё имя так благоговейно склоняется ассистентами и доцентами, а у студентов вызывает улыбку? Это В. В. Редькин — профессор, заведующий кафедрой землеустроительного проектирования, идейный вдохновитель Титова и Дмитриевского.

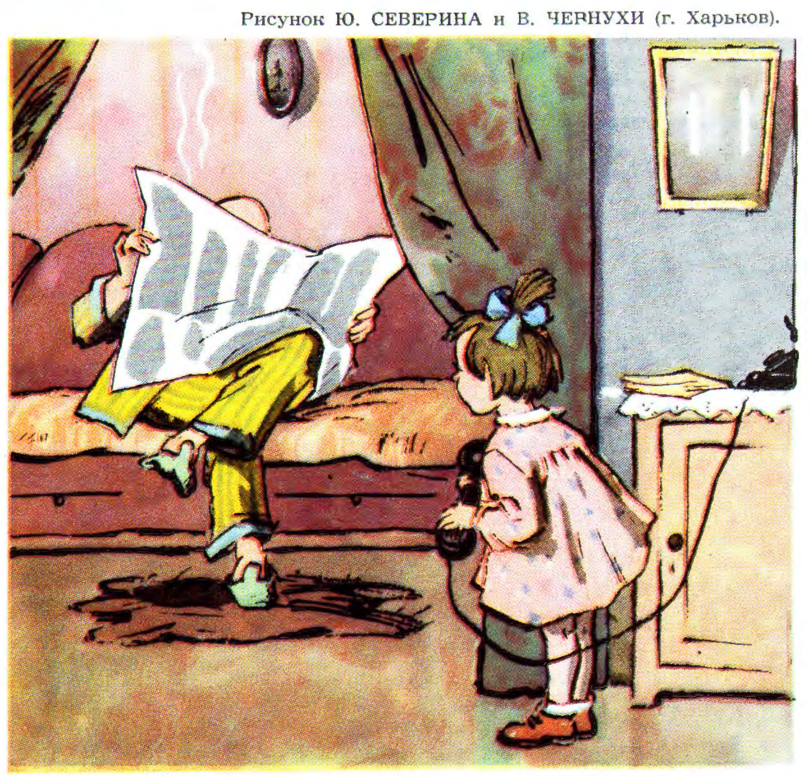
Десять лет назад сей учёный муж выпустил книжку «Землеустройство колхоза». Название, как видит читатель, очень скромное. Но в этом трактате профессор вопреки утверждениям Козьмы Пруткова объял необъятное. Он дал научное толкование пруду и огороду, поездке на базар и к доктору, «холостым переходам» парно- и непарнокопытных, движению бочки порожней и наполненной, подъёму бадьи из колодца и разведению гусей при помощи корыта. Эрудированный автор создал не пособие по землеустройству, а сущий кладезь наук.

Из этого-то кладезя и черпают свои познания верные коллеги Редькина. И тот, кто, не расплескав, доносит «бадью» до студента, достойно оценивается профессором.

Так и переливают эти учёные деятели из пустого в порожнее. Они уподобились прожектёрам Великой Академии из сказочной страны Лапуты, которые сгущали воздух в вещество сухое и осязаемое, размягчали мрамор для подушек и приостанавливали рост шерсти на двух ягнятах, задавшись целью вывести голую породу овец.

...Жёстко «спать» студентам на «мраморных подушках», изготовленных профессором В. В. Редькиным и его соратниками.

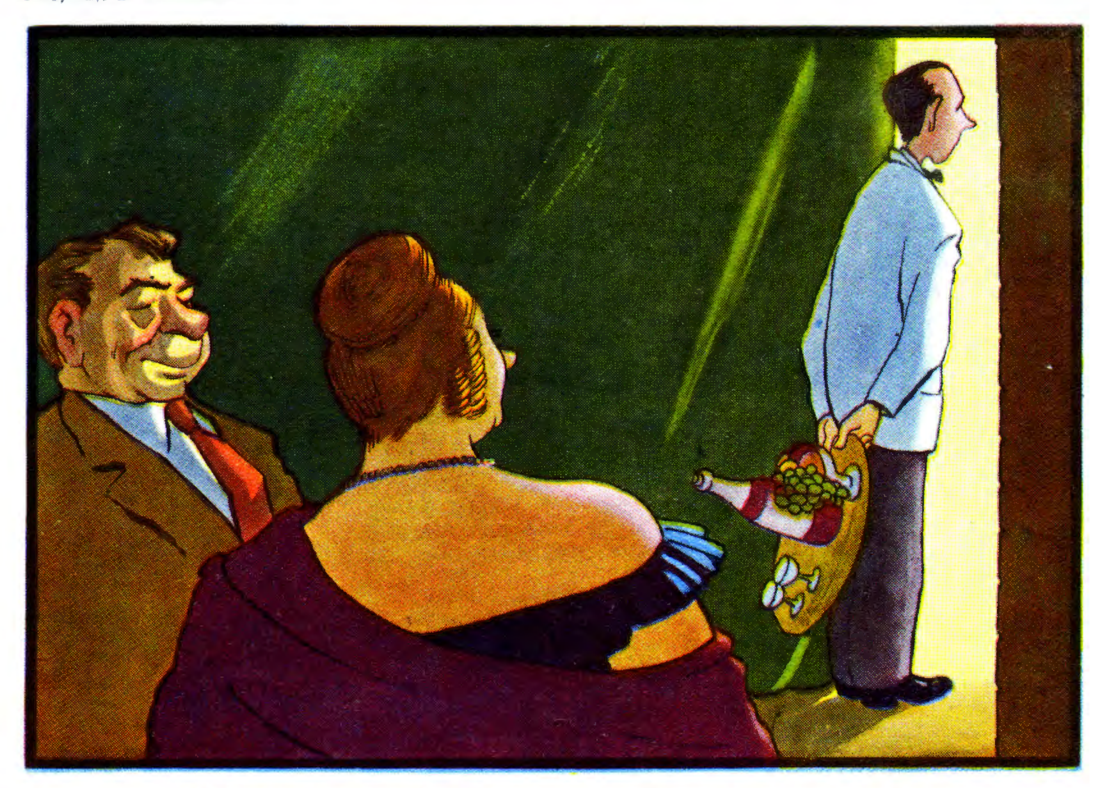
Рисунок Ю. СЕВЕРИНА и В. ЧЕРНУХИ (г. Харьков).

— Папочка, к тебе звонят. Ты дома!

Рисунок Е. ГУРОВА.

ЗАКУЛИСНЫЙ РАЗГОВОР

— Мы всегда ему даём бессловесные роли, и я ни разу не слышал, чтобы он этим возмущался.

— Он разучился говорить.

Илья ШВЕЦ

Семён

У Семёна чуб волной,
Кепка с чуба валится.
Но Семён наш ни одной
Девушке не нравится.
Не поладил наш Семён
С книжками, с газетами.
Видно, слишком он умён
И ленив поэтому.
Раз на лекцию Семён
В клуб попал нечаянно;
В клубе спал безбожно он
И храпел отчаянно.
Ой, Семён, каким ты стал,
Где к другим почтение!
Хоть бы раз ты кепку снял,
Сидя в помещении.
У Семёна с речью так:
Речь его неважная.
В ругатне Семён — мастак:
Ругань трёхэтажная.
У Семёна чуб волной,
Кепка с чуба валится.
Но Семён наш ни одной
Девушке не нравится.

г. Брянск.

Юрий БЛАГОВ

Открытки

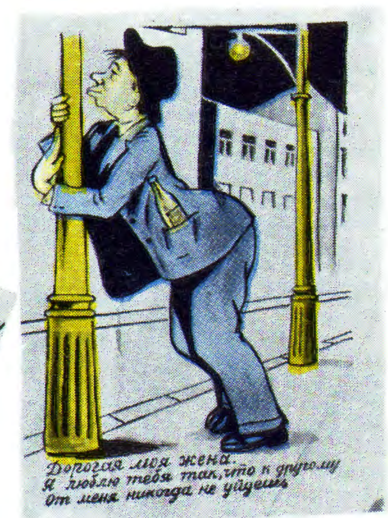
Фотофельетон

Писала про это не раз «Литгазета»,
Однажды вопрос осветил «Огонёк».
Наверно, решение приняли где-то
В порядке отписки... Каков же итог!
Нередко мы все предаёмся надежде,
Что зло обличённое сразу ушло,
Однако присмотримся — снова, как прежде,
Живёт и живёт обличённое зло!
...На тысяче рынков колхозных и ныне
Спешат, не таясь, кустари-продавцы
Павлиньим хвостом распушить на витрине
«Высокой культуры» своей образцы:

В открытках иных современность задета,
Не всё ж кустарю пробавляться старьём,
Сумел он любимые строчки поэта
Шикарно оформить во вкусе своём.

Пока о значении шаржа и шутки
В издательствах наших решают вопрос,
Базарные шутки, хотя они жутки,
Нашли, кроме шуток, нешуточный спрос.

Расчёт у деляги по-своему тонок:
В смешении жанров не видя беды,
Предмет воздыханий стиляг и пижонок
Он рад поместить в ореоле звезды.

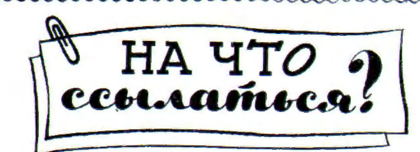
Открытки... Здесь тысячной доли не дашь их,
Однако потоки таких образцов
Текут в общежития девушек наших,
В квартиры ни в чём не повинных жильцов...
Какой же преградой спасительной надо
Навеки дорогу закрыть в наши дни
Пошлейшей стряпне, доставляемой на дом,
Образчикам ультрамещанской мазни!
Не сыщем рецептов мы более ясных:
У наших издательств лекарство от них —
Побольше открыток хороших и разных,
Красивых, изящных, весёлых, смешных!

Полезные советы

Как отписываться?

Изобретение полноценной отписки, отвечающей всем требованиям канцелярского искусства, становится порою процессом не менее трудоёмким, чем само дело, от которого отписываешься.

В этой связи Крокодил печатает несколько читательских писем, где приводятся самые разнообразные формы отписок. Несомненно, они окажут лучшим канцелярским умам посильную помощь в дальнейшем совершенствовании отписочного дела.

Вопрос этот не столь прост, как может на первый взгляд показаться. Нельзя же, согласитесь, писать в деловой бумаге напрямик: «Мне вашим делом заниматься неохота». Или ещё откровеннее: «Меня ваши заботы не волнуют». Тут хлопот не оберёшься... Значит, надо ссылаться на что-нибудь более солидное.

Вот, например, Ленинградский сталепрокатный завод имени Молотова обратился в Главснаб Министерства чёрной металлургии с требованием на спецодежду четвёртого и пятого роста. Но такой нестандартной спецодежды на складе Главснаба не оказалось. Чтобы её пошили, надо специально договариваться, звонить по телефону и, может быть, даже съездить к поставщику на другой конец города. Думы, хлопоты, возня... Куда проще найти подходящую ссылку и отписаться, чтоб больше не приставали:

«На Ваше письмо № 25/8592 сообщаем для Вашего сведения, что в соответствии утверждённым ГОСТам комбинезоны пошиваются трёх ростов: 1, 2, 3. Требуемые вами комбинезоны четвёртого и пятого ростов из-за отсутствия ГОСТа не пошиваются».

Рабочим, которые без всякого злого умысла родились богатырями и теперь ходят по цехам в штанишках до коленок, от такого разъяснения, конечно, не легче. Зато подписавший эту бумагу заместитель управляющего центральной конторой Главснаба тов. И. Каспин считает, что его письмо вполне отвечает стандарту: дело не сделано, а вроде как бы всё по закону...

И. АЛЕКСЕЕВ,
заведующий техникой безопасности завода имени Молотова.

г. Ленинград.

Как быть, если отпискополучатель продолжает надоедать своими претензиями, требуя справедливости, жалуется?

Такой вопрос встал недавно перед директором астраханской верфи «Главрыбосудостроя». И, надо отдать тов. Зевалову справедливость, он не растерялся.

Когда мы заявили ему, что на построенных для Балхашского рыбного треста рефрижераторах нет ламп — определителей утечки фреона, тов. Зевалов со всем присущим ему авторитетом разъяснил:

«Определители утечки фреона в комплект холодильных установок не входят».

Когда после нашего обращения к министру руководитель главка, в свою очередь, указал директору верфи, что его разъяснение неправильно, и обязал немедленно отгрузить лампы, тов. Зевалов вместо этого одарил нас советом:

«Проверку плотности соединений можно производить обмыливанием».

А поскольку мы всё ещё упорствуем в нежелании обойтись вместо современной передовой техники куском хозяйственного мыла, наш поставщик осерчал и решил отбиваться от нас письменной характеристикой:

«Это лишний раз подтверждает вашу некомпетентность и малограмотность в этом вопросе».

И думает, что отбился. Благо, исполняющий обязанности начальника «Главрыбосудостроя» тов. Дураков на новые наши жалобы не отвечает. У него по реестру это дело числится, вероятно, законченным...

М. ТАИРОВ,
главный инженер «Балхашгосрыбтреста».

г. Балхаш.

КОМУ ЧТО написать?

Чтобы решить этот вопрос дифференцированно, надо многое обдумать и взвесить. Ну, а если неохота голову ломать?

Тогда вызывают машинистку и приказывают ей отстукать под копирку как можно больше экземпляров так называемой почтограммы. Вот образец:

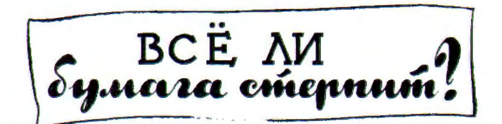
«Председателю колхоза . . . .
тов. . . . .
Райком партии и Райисполком считают, что заготовка и вывозка местных и минеральных удобрений в вашем колхозе проводятся крайне неудовлетворительно. Устанавливаем вашему колхозу задание вывезти на поля за февраль и март месяцы навоза ... тн и торфа ... тн, вывозя каждую декаду навоза ... тн и торфа ... тн» и т. д.

По мере поступления с машинки эти трафаретки подписываются, снабжаются печатью и передаются кому-нибудь из технических работников, чтобы проставить названия колхозов, фамилии председателей и нравящиеся им (техническим работникам) цифры.

Точно так же, вне зависимости от действительного положения дел у различных колхозов-адресатов, «проворачиваются» и все прочие кампании. А если кого-нибудь интересуют подробности, их можно получить у второго секретаря Красносельского райкома партии тов. Шарова и председателя райисполкома тов. Дербина. Им и перья в руки!

С. КУКЛИН,
председатель колхоза «Путь к коммунизму».

Красносельский район, Костромской области.

Судя по всему, заместитель председателя Хреновского райисполкома тов. Яценко решил проверить это положение на практике. Получив от редакции областной молодёжной газеты запрос о результатах напечатанной в № 150 от 16 декабря минувшего года корреспонденции, он...

Думаете, послал опровержение? Что вы! Как можно! Зачем же унижаться до полемики с газетчиками, когда гораздо проще взять чистый лист бумаги и начертать:

«На № 150 от 6.1.56 года исполком Хреновского райсовета депутатов трудящихся сообщает, что газета «Молодой коммунар» за 16 декабря не выходила. В газете № 150 статья под заголовком «Если бы коровы умели говорить» не опубликовывалась. Вследствие чего ответ выслать не можем».

Правда, над этой выдумкой потом вся область смеялась, зато бумага стерпела. Не покраснела ни чуточки!

В. ЮЩЕНКО,
ответственный секретарь газеты «Молодой коммунар».

г. Воронеж.

Крокодил помог

◆ **В фельетоне «Молочные братья» (№ 1 за 1956 г.) говорилось о неудовлетворительном строительстве животноводческих помещений и водохозяйственных сооружений в колхозах Липецкой области.**

Министерство городского и сельского строительства РСФСР заслушало отчёт Липецкого управления по строительству в колхозах и признало его работу неудовлетворительной. Управлению предложено организовать помощь колхозам в строительстве и механизации строительных работ.

Исполком Липецкого облсовета принял специальное решение, направленное на ликвидацию вскрытых недостатков.

◆ **Фотофельетон «Выступайте на здоровье» (№ 35 за 1955 г.) рассказывал о плохой работе клуба Псковского льнокомбината. Дирекцией, партийной и профсоюзной организациями приняты меры к улучшению работы клуба. Заведующий клубом Никаноров с работы снят. Кружки художественной самодеятельности обеспечены квалифицированными руководителями. В клубе регулярно проводятся лекции, доклады, демонстрируются документальные и научно-технические фильмы. Комната отдыха снабжена газетами, журналами и настольными играми.**

◆ **В заметке «Уважаемый Крокодил!», опубликованной в № 33 журнала Крокодил за 1955 год, писалось о том, что в Елюбаевском сельсовете (Павлодарская область) по вине председателя сельсовета Савченко долгое время не было бланков регистрации браков и рождений.**

Факты подтвердились. Кроме того, выяснилось, что Савченко занимался расхищением средств сельсовета. Савченко привлекается к уголовной ответственности.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

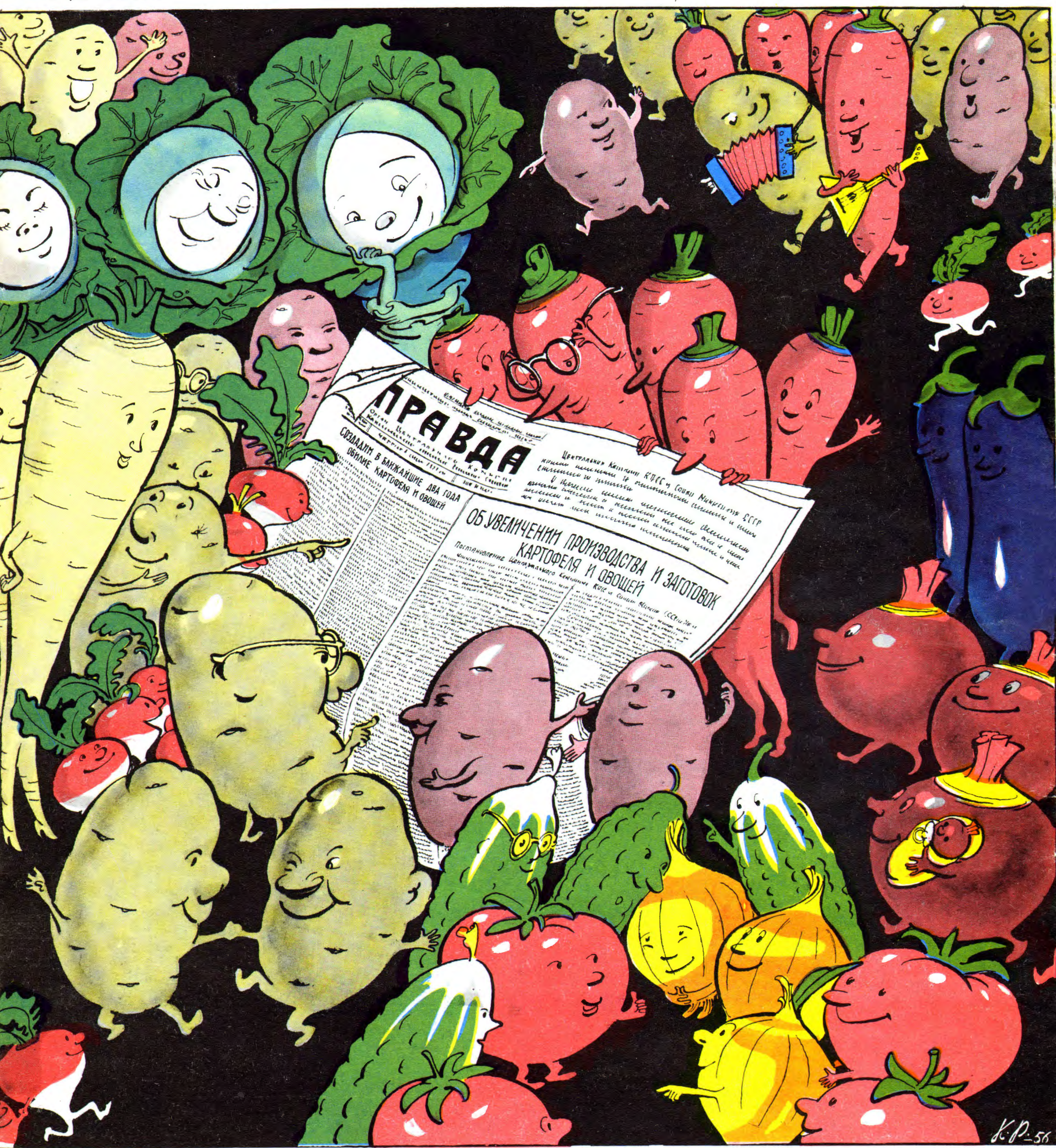
Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00367. Изд. № 248. Подписано к печати 29/II 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 572. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок К. РОТОВА.

— Теперь мы знаем себе цену!